

Глава II

В Петербурге мне уже доводилось работать на фабрике. Зимой 1882 года мать, два моих младших брата и я приехали из Кёнигсберга к отцу в российскую столицу и узнали, что он потерял место управляющего в галантерейной лавке своего двоюродного брата — незадолго до нашего прибытия дело прогорело. Это обернулось настоящей трагедией для семьи: у отца не оказалось никаких сбережений. Зарабатывала теперь только Елена. Матери пришлось просить денег у своих братьев. Триста рублей, полученные от них, были вложены в бакалейную лавку. Поначалу дело приносило мало дохода, и я была вынуждена подыскивать себе место. Тогда в моду вошли вязаные платки, и соседка подсказала матери, где можно брать работу на дом. Трудясь по много часов в день, иногда допоздна, я исхитрялась получать по двенадцать рублей в месяц. Мои платки отнюдь не были шедеврами, но всё же годились. Я ненавидела эту работу, к тому же из-за постоянного напряжения у меня падало зрение. Кузен отца, который разорился на галантерее, теперь владел перчаточной фабрикой. Он взялся обучить меня своему ремеслу.

Фабрика находилась очень далеко; нужно было вставать в пять утра, чтобы приходить на работу к семи. Душные помещения не проветривались. Солнце никогда не проникало в тёмную мастерскую — свет давали масляные лампы.

Шестьсот человек всех возрастов изо дня в день трудились над дорогими и красивыми перчатками за мизерное жалованье. Но нам давали достаточно времени на обед, а ещё дважды в день можно было пить чай. За делом разрешалось разговаривать и петь, к нам не придирались и никогда не подгоняли. Так я работала в Санкт-Петербурге в 1882 году.

Теперь же я очутилась в Америке, в «городе-цветнике» штата Нью-Йорк — на «образцовой» фабрике. Швейное дело Гарсона было поставлено, конечно же, намного лучше, чем на Васильевском острове. В просторные светлые помещения поступал свежий воздух. Не было тех отвратительных запахов, от которых меня так часто тошнило в мастерской нашего кузена. Однако рабочий день здесь оказался ещё тяжелее, и было ощущение, что он длился бесконечно. На обед при этом отводилось только полчаса. Жёсткой системой правил пресекались любые свободные действия (нельзя было даже выйти в уборную без разрешения), постоянное наблюдение мастера подавляло меня. Вечером у меня едва хватало сил дотащиться до дома сестры и заползти в постель. Неделя за неделей проходили в убийственном однообразии.

Меня поражало, что фабричная обстановка будто бы никого не угнетала так, как меня — разве что ещё мою соседку, хрупкую маленькую Таню. Эта болезненная и бледная девушка часто жаловалась на головную боль и плакала, ворочая тяжёлые мужские пальто. Как-то утром, подняв голову от работы, я увидела её в обмороке. Я звала мастера, чтобы вместе донести Таню до раздевалки, но грохот машин заглушал мой голос. Несколько девушек поблизости услышали меня и тоже начали кричать. Они остановили работу и бросились к

Тане. Внезапный простой не укрылся от внимания начальника, и он подошёл к нам. Даже не поинтересовавшись причиной волнения, он заорал: «Быстро к машинам! Чего перестали работать? Хотите, чтобы вас уволили? Марш назад!» Тут он наконец заметил съёжившуюся на полу Таню: «Какого чёрта с ней случилось?!» «Она упала в обморок», — ответила я, пытаясь не сорваться на крик. «Обморок, ерунда, — ухмыльнулся начальник, — она просто притворяется».

«Вы лжец и скотина!» — закричала я, не в силах больше сдерживать негодование.

Я нагнулась над Таней, ослабила ей пояс и выжала в приоткрытый рот сок из апельсина, который припасла себе на обед. Лицо Тани побелело, лоб покрылся испариной. У неё был настолько больной вид, что даже начальник понял, что она не симулирует. Он разрешил Тане уйти. «Я пойду с ней, — заявила я, — можете вычесть из моего жалованья за пропущенное время». «Катись к чёрту, сумасшедшая!» — бросил он мне вслед.

Мы пошли в кафе. Я сама была голодна и в полуобморочном состоянии, но у нас было лишь семьдесят пять центов на двоих. Мы решили потратить сорок центов на еду, а на остаток съездить на конке в парк. Там, на свежем воздухе, среди цветов и деревьев мы забыли о ненавистных нормах выработки. Так нервно начинавшийся день закончился спокойно и мирно.

На следующее утро снова началась изматывающая, бесконечная рутина. Её несколько всколыхнуло лишь прибавление в нашем семействе — родилась девочка. Ребёнок стал единственным интересом моего тоскливого существования. Часто, когда обстановка на фабрике Гарсона грозила окончательно лишит меня присутствия духа, мысль о прелестной малютке дома могла вернуть мне силы. Вечера перестали быть унылыми и пустыми. Но маленькая Стелла, хоть и принесла радость в дом, всё же добавила денежных забот моим сестре и зятю.

Лина ничем и никогда не намекала, что полутора долларов, которые я отдавала ей за еду (проезд обходился в шестьдесят центов в неделю, а остальные сорок оставались мне на карманные расходы), не хватало на моё содержание. Но я узнала об увеличении расходов по дому, как-то нечаянно услышав ворчание зятя. Я понимала, что он прав, и не хотела расстраивать сестру — ведь она ухаживала за ребёнком. Я решила добиться прибавки к жалованью. Понимая, что с мастером говорить бесполезно, я попросила встречи с господином Гарсоном.

Меня ввели в роскошно обставленную контору. На столе я увидела розы «американская красавица». Я часто любовалась ими в витринах цветочных лавок, а однажды, не в силах противостоять искушению, зашла спросить цену. Они стоили по полтора доллара за штуку — больше половины моего недельного заработка. А прекрасная ваза в конторе господина Гарсона вмещала множество этих роз.

Сесть мне не предложили. На мгновение я забыла, зачем пришла: так заворожили меня прекрасная комната, розы, ароматный голубоватый дымок сигары господина Гарсона. Но я вернулась в реальность, услышав вопрос начальника: «Ну, что я могу для вас сделать?»

«Я пришла попросить прибавки к жалованью, — сказала я. — Я получаю два с половиной доллара, но их не хватает даже на пропитание, не говоря уж о чем-то другом — скажем, изредка купить книгу или билет в театр за двадцать пять центов». Господин Гарсон ответил, что для фабричной работницы у меня весьма экстравагантные вкусы: другие работники всем довольны и, кажется, нормально обходятся таким жалованьем. Значит, и мне тоже придётся удовлетвориться им — либо же искать работу в другом месте. «Если я прибавлю жалованье вам, мне придётся его повысить всем, а я не могу себе этого позволить», — сказал Гарсон. Я решила уволиться.

Через несколько дней я нашла работу на фабрике Рубинштейна за четыре доллара в неделю. Маленькая мастерская располагалась неподалёку от моего дома. Она стояла посреди сада, работали там всего двенадцать мужчин и женщин. Не было суровой дисциплины и гонки за объёмами, как у Гарсона.

Рядом с моей машиной работал привлекательный молодой человек. Его звали Яков Кершнер. Он жил около Линино дома, и мы часто возвращались с работы вместе. Вскоре он начал заходить за мной по утрам. Мы беседовали по-русски — мой английский ещё сильно хромал. Если не считать разговоров с Еленой, то после приезда в Рочестер я впервые слышала русский язык, и он казался мне музыкой.

Кершнер приехал в Америку в 1881 году, едва выпустившись из одесской гимназии. Он не владел никаким ремеслом и стал оператором станка по пошиву плащей на фабрике. Бо́льшую часть досуга Яков проводил за чтением или танцами. Друзей у него не было: он считал, что его рочестерских коллег интересуют только деньги, а апофеоз их мечтаний — собственная лавка. Он слышал о том, что приехали мы с Еленой, и даже видел меня на улице несколько раз, но не знал, как бы познакомиться. «Теперь мне больше не будет одиноко, — сказал он весело. — Мы будем вместе гулять, и я буду одалживать тебе книги». Моё собственное одиночество вдруг перестало быть столь невыносимым.

Я рассказала сёстрам о новом знакомом, и Лина попросила пригласить его к нам в следующее воскресенье. На неё Кершнер произвёл благоприятное впечатление, но Елена сразу же его невзлюбила. Хотя она долго ничего об этом не говорила, я всё равно чувствовала неладное.

Однажды Кершнер пригласил меня на танцы. Мои первые танцы в Америке! Предвкушение захватило меня, и в памяти воскресли воспоминания о моём первом петербургском бале.

Мне было пятнадцать. Начальник Елены пригласил её в модный Немецкий клуб и дал два билета, чтобы она взяла заодно и меня. Незадолго до этого сестра подарила мне кусок прекрасного синего бархата для моего первого вечернего платья. Но пока его собирались пошить, наш слуга-крестьянин сбежал с материей. С горя я несколько дней сильно болела. Если бы у меня было платье, отец, может, и разрешил бы мне пойти на бал. «Я достану тебе ткани на новое платье, — утешала меня Елена, — но, боюсь, отец всё равно откажет». «А я всё равно поступлю по-своему!» — заявила я. Елена купила другой синий отрез, не такой красивый, как тот бархат, но я и не думала расстраиваться. Я была безмерно счастлива, ожидая свой первый бал — редкий шанс потанцевать в обществе. Елене удалось получить

разрешение отца, но в последний момент он передумал. В тот день я в чём-то провинилась, и отец категорически заявил, что я должна остаться дома. Тогда Елена сказала, что тоже никуда не пойдёт. Но я вознамерилась пойти наперекор отцу, невзирая на возможные последствия.

Я затаив дыхание ждала, когда родители уснут. Потом я оделась и разбудила Елену. Я сказала: либо она идёт со мной, либо я убегаю из дома. «Мы можем вернуться до того, как проснётся отец», — уговаривала я. Бедная Елена, она всегда была такой нерешительной! Она обладала исключительным терпением и способностью сострадать, но не умела сопротивляться. Поэтому она покорилась моему отчаянному решению, оделась — и мы тихо выскользнули из дома.

В Немецком клубе было светло и весело. Мы нашли Кадисона, начальника Елены, и его друзей. Меня приглашали на каждый танец, и я плясала с неистовым возбуждением и развязностью. Было уже поздно, и многие собирались уходить, когда Кадисон пригласил меня ещё на один танец. Елена настаивала, что я и без этого слишком устала, но мне так не казалось. «Я буду танцевать! — заявила я. — Я буду танцевать до смерти!» Я вся пылала, сердце бешено колотилось, когда кавалер кружил меня по залу, тесно прижимая к себе. Умереть от танцев — вот был бы славный конец! Мы вернулись домой почти в пять утра. Родители ещё спали. Я проснулась за полдень, притворившись, что у меня болит голова, и втайне ликовала — мне удалось перехитрить старика!

Да, воспоминания о том вечере заняли все мои мысли, и я радостно предвкушала свежие впечатления, отправляясь на вечеринку с Яковом. Меня ждало горькое разочарование: я не обнаружила ни красивого зала, ни прелестных женщин, ни молодых щёголей, ни веселья. Музыка оказалась слишком шумной, а танцоры — сплошь неповоротливыми. Яков танцевал неплохо, но ему не хватало воодушевления и страсти. «Четыре года за станком высосали из меня все соки, — сказал он. — Я быстро устаю».

Мы были знакомы с Яковом Кершнером около четырёх месяцев, когда он предложил мне выйти за него замуж. Я призналась, что он мне нравится, но я не хотела бы вступать в брак в таком молодом возрасте. Мы всё же ещё столь мало знали друг о друге. Он обещал ждать столько, сколько мне потребуется, но ведь уже ходит много толков о том, сколько времени мы проводим вместе. «Почему бы нам не обручиться?» — умолял он. Наконец я согласилась. Неприязнь Елены к Якову приобрела характер навязчивой идеи — она его просто ненавидела. Но мне так нужно было разбавить живым общением своё одиночество! В конце концов я убедила сестру. Она очень любила меня и никогда не могла отказать мне ни в одном желании.

Поздней осенью 1886 года вся наша семья — отец, мать и братья Герман и Егор — тоже перебрались в Рочестер. В Петербурге жизнь евреев стала невыносимой, а бакалейное дело приносило слишком мало доходов, чтобы оправдывать регулярные траты на новые взятки. Отъезд в Америку стал единственно возможным решением.

Вместе с Еленой мы приготовили дом для родителей, и когда они приехали, то переселились туда же. Наших заработков, как вскоре оказалось, не хватало на расходы по дому. Яков

сказал, что мог бы у нас столоваться; поначалу это хоть как-то помогало, а вскоре он и въехал к нам.

Дом был маленький — гостиная, кухня и две спальни. Одну занимали родители, другую — Елена, я и наш маленький брат. Кершнер и Герман спали в гостиной. Близость Кершнера и невозможность побыть одной стали причинами постоянного раздражения. Я страдала от бессонницы, ночных кошмаров и страшной усталости на работе.

Жизнь становилась всё более невыносимой, и Яков то и дело заводил разговор о собственном жилье. Только во время совместной жизни я начала понимать, что мы совсем разные. Его интерес к книгам, который вначале так нравился мне, прошёл. Он стал похож на своих товарищей по цеху: играл в карты и ходил на скучные танцульки. Во мне, наоборот, было просто море энергии и желаний. Душой я по-прежнему оставалась в России, в милом Петербурге. Я жила в мире знакомых книг, опер, студенческих кружков и ненавидела Рочестер пуще прежнего. Но Кершнер был единственным, с кем я познакомилась в Америке. Он заполнял пустоту моей жизни, и меня к нему сильно тянуло... В феврале 1887 года в Рочестере раввин поженил нас по еврейскому обычаю — согласно американским законам этого считалось достаточно. Горячее возбуждение, беспокойство и лихорадочное ожидание того дня ночью сменились чувством полнейшего недоумения. Рядом со мной в постели дрожал Яков — он оказался импотентом.

Первые осознанные эротические ощущения пришли ко мне около шести лет. Я жила с родителями в Попелянах, где у нас, детей, не было дома в полном смысле этого слова. Отец держал трактир, где не было отбоя от крестьян и чиновников — они всё время пили и ругались. Мать следила за прислужкой в большом суматошном доме, а сёстры, четырнадцатилетняя Лина и двенадцатилетняя Елена, работали не покладая рук. Почти весь день я была предоставлена самой себе. В хлеву у нас работал молодой крестьянин Петрушка — он пас коров и овец. Петрушка часто брал меня с собой на луг, и там я заслушивалась его мелодичной игрой на дудочке. Вечером Петрушка относил меня домой — я сидела верхом у него на плечах. Он играл со мной в лошадку: то бежал со всех ног, то подбрасывал меня вверх, ловил и прижимал к себе. От этого появлялось необычное ощущение — меня переполнял восторг, за которым следовало блаженное чувство освобождения.

Мы с Петрушкой стали неразлучны. Я настолько привязалась к нему, что начала воровать для него пироги и фрукты из кладовой. Быть вместе с Петрушкой в полях, слушать его музыку, кататься у него на плечах — всем этим я грезилась во сне и наяву. Но как-то раз у отца вышла размолвка с Петрушкой, и мальчика отослали домой. Его исчезновение стало одной из величайших трагедий моего детства. Много недель после этого мне снился Петрушка, луга, музыка, и я вновь переживала радость и упоение нашей игры. Однажды утром я почувствовала, что меня вырывают из объятий сна. Мать склонилась надо мной, крепко схватив за правую руку. Она сердито кричала: «Если я ещё хоть раз найду твою руку там, я тебя высеку, дрянь!»

Приближение половой зрелости заставило меня впервые осознать, как мужчина может повлиять на женщину. Мне было уже одиннадцать лет. Однажды летом я проснулась

раньше обычного от ужасной боли. Голова, спина и ноги болели так, будто их раздирали на части. Я позвала мать. Она откинула простыни, и внезапно я ощутила жгучую боль — мать дала мне пощёчину. Я взвизгнула и устремила на мать полный ужаса взгляд. «Так всегда делают, — сказала она, — когда девочка становится женщиной, это защитит от бесчестья». Мать попыталась меня обнять, но я оттолкнула её. Я корчилась от боли и была так зла, что не давала притронуться к себе. «Я умру, — выла я, — мне нужен фельдшер». Врач недавно приехал в наше село. Послали за ним. Он осмотрел меня и дал какое-то лекарство, чтобы я заснула. С тех пор мои сны были о фельдшере.

Когда мне было пятнадцать, я работала в Петербурге на корсетной фабрике близ Эрмитажа. Вечером, когда мы с девушками уходили из цеха, нас поджидали молодые русские офицеры и штатские. Почти у каждой имелся свой воздыхатель, только моя подружка-еврейка и я отказывались сходить в кондитерскую или парк. Рядом с Эрмитажем находилась гостиница, мимо которой мы шли на работу. Один из лакеев оттуда, красивый малый лет двадцати, стал оказывать мне знаки внимания. Сперва я презирала его, но со временем он сумел увлечь меня. Упорство парня постепенно сломило мою гордость, и я стала принимать ухаживания. Мы встречались в каком-нибудь тихом месте или в кондитерской на окраине. Мне приходилось выдумывать разнообразные истории для отца, почему я поздно пришла с работы и где гуляла после девяти вечера. Однажды он заметил меня в Летнем саду в компании других девушек и каких-то студентов. Когда я вернулась домой, отец со всей силы толкнул меня на полки в нашей бакалейной лавке — так, что банки с чудесным маминым вареньем полетели на пол. Он колотил меня кулаками, крича, что не потерпит такой распущенной дочери. Этот случай сделал мою жизнь дома ещё невыносимее, а желание сбежать — ещё настойчивее.

Несколько месяцев мы с моим обожателем встречались тайком. Однажды он спросил, не хочу ли я поглядеть на роскошные гостиничные номера. Я никогда раньше не бывала в гостинице, но в моём воображении, когда я шла на работу мимо её прекрасных окон, там царили радость и веселье. Мы прошли через чёрный ход по толстому ковру коридора в большой номер. Он был ярко освещён и прекрасно обставлен. На столике рядом с диваном стояли цветы и поднос. Мы сели. Кавалер налил золотистой жидкости в рюмки и предложил выпить за нашу дружбу. Я поднесла бокал к губам. Но внезапно я очутилась в крепких объятьях, мой пояс оказался расстёгнут, страстные поцелуи покрывали лицо, шею и грудь. Я осознала, что произошло, лишь ощутив мучительную боль после всех бешеных движений парня. Я визжала и отчаянно молотила его по груди. Вдруг я услышала в коридоре голос Елены. «Она должна быть здесь, она должна быть здесь!» Я умолкла. Парень тоже испугался. Его хватка ослабла, и мы прислушивались к звукам, затаив дыхание. Мне казалось, что прошло несколько часов, пока голос Елены наконец не затих. Мой обожатель поднялся. Я машинально встала, машинально застегнула корсет и зачесала волосы.

Странно, но я не испытывала стыда — только огромное потрясение от открытия, что связь между мужчиной и женщиной может быть столь отвратительной и болезненной. Я вышла оттуда в смятении, с совершенно истерзанными нервами.

Дома я нашла Елену в страшном беспокойстве. Она волновалась, потому что знала — я иду на свидание. Она выяснила, где работал мой ухажёр, и, когда я не пришла домой,

отправилась в гостиницу искать меня. Стыд, которого я не ощущала в мужских объятьях, настиг меня теперь. У меня не хватило духу рассказать Елене о своих злоключениях.

После этого в присутствии мужчин я всегда находилась как бы меж двух огней. Противоположный пол меня по-прежнему привлекал, но теперь к этому чувству прибавилось и безумное отвращение. Я не выносила мужских касаний.

Все эти картины живо представляли передо мной, когда я лежала рядом с мужем в первую брачную ночь. Он быстро заснул.

Недели шли за неделями. Ничего не менялось. Я уговаривала Якова обратиться к врачу. Вначале он отказывался, ссылаясь на стеснительность, однако в конце концов пошёл. Ему объяснили, что на «восстановление мужской силы» потребуется немало времени. Моя страсть утихала. Материальные заботы, необходимость сводить концы с концами вытеснили из мыслей всё остальное. Я уволилась: считалось, что замужней женщине ходить на работу неприлично. Яков зарабатывал пятнадцать долларов в неделю. Он страстно увлёкся игрой в карты, и теперь она съедала львиную долю наших доходов. К тому же Яков стал ревнив, подозревая в связях со мной всех без разбору. Жизнь была просто нестерпимой. От абсолютного отчаянья меня спасал интерес к хеймаркетским событиям.

После смерти чикагских анархистов я настояла на разводе с Кершнером. Он долго возражал, однако в конце концов согласился. Нас развёл тот же раввин, который совершал брачную церемонию. Я уехала в Нью-Хейвен, штат Коннектикут, и поступила на корсетную фабрику.

Пока я пыталась разойтись с Кершнером, меня поддерживала только Елена. Она резко выступала против этого брака, но теперь ни единым словом не упрекнула меня. Напротив, только от неё я чувствовала поддержку. Сестра уговаривала родителей и Лину поддержать моё решение. Её преданность, как и всегда, не знала границ.

В Нью-Хейвене я познакомилась с группой молодых русских, в основном студентов-ремесленников. Среди них было много социалистов и анархистов. Они часто устраивали собрания с ораторами из Нью-Йорка, одним из них был и А. Золотарёв. Жизнь приобрела новые краски, однако всё больше сил отнимала работа. Мне пришлось вернуться в Рочестер.

Я отправилась к Елене. Она жила вместе с мужем и ребёнком над собственной маленькой типографией, которая одновременно была и конторой их пароходного агентства. Но оба дела приносили мало денег, так что супруги не могли выбраться из крайней нужды. Елена вышла за Якова Хохштейна, который был на десять лет старше её. Он был большим знатоком древнееврейского, крупным специалистом по английским и русским классикам и вообще редкой личностью. Его независимый и цельный характер мало годился для конкуренции и беспринципной деловой жизни. Когда кто-то приносил в типографию заказ на пару долларов, Хохштейн тратил на него столько времени, будто получил за это полсотни. Если клиент начинал торговаться, Яков его прогонял. Для Хохштейна была невероятна мысль, будто он может запросить слишком дорого. Доходов не хватало на семейные нужды, а волновалась и мучилась из-за этого больше всех моя бедная Елена. Она

была беременна вторым ребёнком, и всё же ей приходилось тяжело работать с утра до ночи, при этом не жалуясь и стараясь свести концы с концами. Впрочем, такой она была всю жизнь — переносила страдания покорно и молча.

Брак Елены родился не из страстной любви. Это был союз двух зрелых людей, желавших лишь спокойно жить вместе как два товарища. Страсть в моей сестре угасла в двадцать четыре года. Ещё шестнадцати лет, когда мы жили в Попелянах, она влюбилась в молодого прекрасного литовца. Но он был гоем (неевреем), и Елена знала, что брак между ними невозможен. После долгих ссор и множества пролитых слёз Елена разорвала роман с Сашей. Много лет спустя, по дороге в Америку, мы остановились в родном Ковно. Елена договорилась с Сашей о встрече. Ей было страшно уезжать так далеко, не попрощавшись. Они увиделись и расстались как добрые друзья — огонь их юности уже превратился в пепел.

Когда я вернулась из Нью-Хейвена, Елена приняла меня с обычной нежностью и уверениями, что её дом — мой дом. Хорошо было вновь оказаться рядом с дорогой сестрой, малюткой Стеллой и младшим братом Егором. Но я, конечно, сразу заметила, в каких стеснённых обстоятельствах живёт семья Елены. Я снова устроилась на фабрику. В еврейском квартале невозможно было избежать неприятных встреч. Я столкнулась с Кершнером почти сразу же после приезда. Изо дня в день он искал возможности увидеться. Он начал упрашивать меня вернуться — теперь-то всё будет иначе! Один раз он грозился убить себя — и впрямь достал склянку с ядом. Так настойчиво Яков добивался от меня окончательного ответа.

Я не была настолько наивна, чтобы поверить в то, будто новый брак с Кершнером будет несравнимо приятнее или долговечнее первого. Кроме того, я твёрдо решила поехать в Нью-Йорк, чтобы подготовиться к работе, за которую поклялась взяться после смерти моих чикагских товарищей. Но угроза Кершнера меня напугала: я не хотела отвечать за его смерть. Я опять вышла за него замуж. Родители, как и Лина с мужем, торжествовали, но Елена очень горевала.

Без ведома Кершнера я записалась на курсы кройки и шитья, чтобы научиться ремеслу и освободиться от фабричной работы. Три долгих месяца я боролась с мужем, чтобы он позволил мне идти своей дорогой. Я пыталась продемонстрировать ему бесплодность такого союза, «поднятого из руин», но Яков упрямо стоял на своём. Одной поздней ночью после ожесточённой ссоры я оставила Кершнера и свой дом — на сей раз окончательно. Вся еврейская диаспора Рочестера тотчас отеклась от меня. Я не могла пройти по улице, не услышав града упреков на каждом шагу. Родители запретили появляться у них, и вновь одна только Елена поддержала меня. Из своих скудных средств она даже оплатила мой билет до Нью-Йорка.

Вот так я оставила Рочестер, где на мою долю выпало столько боли, тяжёлого труда и одиночества. Но радость отъезда омрачала разлука с Еленой, Стеллой и младшим братом, которого я обожала.

Рассвет нового дня в квартире Минкиных застал меня всё ещё на ногах. Дверь в прошлое была теперь затворена навсегда. Будущее звало меня, и я с нетерпением тянула к нему руки. Наконец я погрузилась в глубокий, мирный сон.

Меня разбудила Анна Минкина: пришёл Александр Беркман. День уже близился к концу.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 17 апреля 2025 03:31:01

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 17 апреля 2025 03:31:30